

и расстрелян. После второго издания романа-хроники «Февраль» в 1931 книги Т.-Р. в России не переиздавались. Лишь в 1967 вышла пьеса «Высшая мера наказания», которую М. Макляровский и К. Рапопорт написали по мотивам повести Т.-Р. «Шоколад».

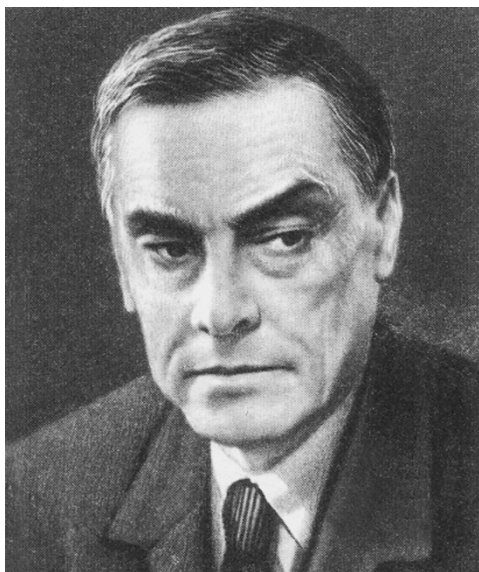
Соч.: Тяжелые шаги: Трилогия. 2-е изд. М., 1931; У Ленина // Живой Ленин: Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1965. С. 118–121; Шоколад: повесть // Собачий переулок: сб. М., 1993. С. 265–283.

Лит.: Воронский А. Тарасов-Родионов // Воронский А. Лит. портреты. М., 1929. Т. 2.

В. В. Попов

ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович [12(25).6.1907, Елисаветград — 27.5.1989, Москва] — поэт, переводчик.

Отец за участие в народофильском движении отбыл пятилетнюю ссылку в Якутии, а затем, став служащим Елисаветградского Общественного банка, работал внештатным корреспондентом местных газ. Мать работала учительницей. К поэзии Арсений приобщился с ранних лет, посещая с отцом гострольные вечера Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Игоря Северянина. Окончив в 1924 трудовую школу-семилетку, через год поступил на Высшие лит. гос. курсы при Союзе поэтов в Москве, которые окончил в 1929. В конце 1920-х — начале 1930-х сотрудничает в газ. «Гудок» и ж. «Прожектор» как автор стихотворных фельетонов и судебных очерков, со-

А. А. Тарковский

здает для радио агитпоэму «Стекло». С 1933 при содействии Г. А. Шенгели начинает переводческую деятельность, с 1934 выпускает книги переводов. Осенью 1940 знакомится с Мариной Цветаевой, которой потом посвятит стихотворный цикл («Памяти Марины Цветаевой», 1941–1963). В 1941, признанный негодным к воинской службе, уезжает вместе с семьей в Чистополь, откуда неоднократно обращается в Москву с просьбой об отправке в действующую армию. С дек. 1941 — корреспондент газ. «Боевая тревога», участвует в действиях Московского, Брянского и 1-го Балтийского фронтов. В 1943 получает звание гвардии капитана, после тяжелого ранения переносит ампутацию ноги. В 1945 подготовил книгу **«Стихотворения разных лет»**, матрицы которой после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946) были уничтожены. По окончании войны активно занимается переводческой работой, преимущественно с восточных яз. (вершины — из Махтумкули — с туркменского и из Абу-иль-Аля аль Маари — с арабского). Удаستاивается Гос. премий Каракалпакской АССР (за переложение эпической поэмы «Сорок девушек») и Туркменской ССР. Но в одном из стихотворений скажет: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова» (**«Переводчик»**).

Судьба Т.-поэта сложилась уникально. Первые стихи он опубликовал в 1926 в студенческом сб., но как оригинальный поэт предстал перед читателями лишь в 1962. Его книги **«Перед снегом»** (1962) и **«Земле — земное»** (1966) стали лит. событием, а вошедшие туда стихи четырех предшествующих десятилетий — явлением современности. Как новаторский был воспринят и сб. **«Вестник»** (1969), вобравший лирику предыдущих книг и дополненный более ранними и более поздними стихами. В дальнейшем только сб. **«Зимний день»** (1989) добавит новые произведения в творческое наследие Т., а вышедшие при его жизни «Волшебные горы» (Тбилиси, 1978), «От юности до старости» (1987), «Быть самим собой» (1987) и др. окажутся лишь книгами избранного. Так что говорить об эволюции Т.-поэта трудно и вряд ли целесообразно, ибо Т.— «поэт позиции», а не «поэт пути» (по терминологии Д. Е. Максимова), и подходить к его поэтическому миру следует как к целостной системе. Выделяется разве что «поселковая повесть» **«Чудо со щеглом»** (из книги «Зимний день»), по признанию автора, продолжающая традицию «Тамбовской казначейши» и «Домика

в Коломне», где «что-то есть даже в духе Козьмы Пруtkова» (Лит. газ. 1985. 13 авг.).

В лирике же поэтическая тематика Т. весьма устойчива. Это стихи о времени и бессмертии («Только грядущее», «Жизнь, жизнь», «Зуммер»), об истории и мировой культуре («Анжело Секки», «Пауль Клее», «Феофан Грек», «Григорий Скворода» — и «Петровские казни», «Конный рейд», «Юродивый в 1918»); это космические мотивы («Телец, Орион, Большой Пес», «Посередине мира») и в их контексте стихи о войне («Песня под пулями», «Иванова ива»); это стихи о природе («Деревья», «Степная дудка», «Я учился траве, открывая тетрадь»), об искусстве («Слово», «Словарь», «Рифма»). Однако все эти темы переходят одна в другую и в конечном счете обретают равноправие в общей картине мира, где важнейшими поэтическими категориями оказываются «память» и «судьба».

«Что сделал я с высокою судьбою, / О, Боже мой, что сделал я с собою!» — эти слова выделены в стих. «25 июня 1939» курсивом. Отношения с судьбой у поэта двойственны. Она может идти по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке» («Первые свидания») — и оставаться «высокой». Главное — «угадать» себя до конца, когда «отыскан угол зренья» («Стань самим собой»). Отсюда — трагическая напряженность, противоречие: «пророческая власть» поэта — и его зависимость от судьбы. В стих. «Суббота, 21 июня» сквозь пережитое, выстраданное и осознанное поэт возвращается в предвоенный день, чтобы стать вестником грядущего, предостеречь от потерь и горя. Но... «Я говорю — не слушают, не слышат, / Несут цветы, субботним ветром дышат, / Уходят, пропусков не выдают, / В домашний возвращаются уют... / Я все забыл. В окне еще светло, / И накрест не заклеено стекло. То же — в стих. о творчестве: «Откуда наша власть? Откуда / Все тот же камень на пути? / Иль новый Бог, творящий чудо, / Не может сам себя спасти?» («Камень на пути»). Постоянно обращаясь к прошлому, верша «суд памяти», поэт не принимает ограниченной возможности слова и личного поступка: он претендует на абсолютную духовную власть («Слово — только оболочка, / Пленка жребиев людских»), и в этом единстве с вековечным опытом поэт всемогущ. Но он и уязвим: «На тебя любая строчка / Точит нож в стихах твоих».

При таком максимализме понятно постоянное обращение Т. к цельному образу мироздания, хотя было бы ошибкой считать его

поэтом натурфилософского склада типа Н. Заболоцкого. Стихия природы и стихия слова для него почти тождественны: жажда жизни, пробивающая омертвевшую кору, — проявление той же силы, что дарует поэтам «и в могилах звучащую речь». Однако искусство остается главенствующим в мире Т., и даже одно из самых «натурфилософских» его стих.— «Посередине мира», с инфузориями и мириадами звезд, возвращает нас к истории, к словесности («Я Нестор, летописец мезозоя, / Времен грядущих я Иеремия...»). При всей тяге к земле, к ее первобытной очистительной мощи Т. не растворяется в просторах и глубинах природы. Поэт читает «звездный каталог», всматриваясь в «архитектуру ночи», провозглашает самым ценным «корневую подземную часть», утверждает, что «всего дороже в мире / Звезды, птицы и трава». Но в общем контексте ясно, что слово все-таки ему еще дороже, все-таки «рифмы влажное биенье» не уступает природному величию. «Державу природы / Я должен рассечь / На песню и воды, / На сушу и речь. / И, хлеба земного / Отведая, пройди / В свечении слова / К началу пути» («И я ниоткуда...»). Поэт именно «рассекает» природу, утверждая то преобразующее начало в чело-веке, что возвышает его над судьбой.

Описания Т., как правило, подвижны, угол зрения постоянно меняется, даже в неторопливых стихах антологического характера. Коротенькую «Охоту», например (написанную, кстати, после ранения), он открывает, глядя на мир глазами затравленного оленя («Охота кончается. / Меня затравили. / Борзая висит у меня на бедре...»), но сразу же возникает иное «я» — самого автора, пристально вглядывающегося со стороны («Вижу тусклое око с какой-то налипшей травинкой...»), а завершает сцену емкая фраза — то ли бесстрастная констатация, то ли вспышка меркнувшего сознания («Ноги свяжут и шест проденут, вскинут на плечи...»). И размер вибрирует от строгого гекзаметра до верлибра. А в неожиданных, но точных уподоблениях Т. слово как будто рождается из жеста, из самого предмета. Плеск ручьев оказывается похожим «на объяснение в любви глухонемых», на страницах ненаписанных книг оживает «круглый язык круглого яблока», и поэт без страха смотрит вперед, где ждет его рифма, подобная плахе. Подчеркивая родство своей худож. манеры с методом Ван Гога, Т. определил ее как «грубость ангела». Думается, его поэтика оказала прямое воздействие на кинематографический мир сына — режиссера Андрея Тарковского:

в фильме «Зеркало» звучат стихи Т. «Первые свидания», становясь неотъемлемой частью содержания этой картины.

Поэзия Т. занимает в русской поэзии своеобразное место. В. Кожин попытался связать поэта с «неоклассиками», появившимися в середине 20-х (Г. Шенгели, К. Липскеров, М. Тарловский) и стремившимися создать «сплав отдельных литературных школ в единое течение», что обернулось для них эклектикой (Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1982. С. 285). У Т. произошло иное. Ориентируясь не на «школы», а на высокие образцы М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Т. сумел донести до нас в условиях жесткого эстетического диктата традиции Серебряного века в целом, придав им неповторимое индивидуальное преломление.

Поэт скончался, перешагнув свое 80-летие. После отпевания в храме Преподобного Сергия Радонежского Т. был похоронен на кладбище в Переделкине, а через несколько месяцев был посмертно удостоен Гос. премии СССР.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1991–1993; Избранное. М., 1982; Стихи разных лет. М., 1983; Звезды над Арагацем. Ереван, 1989; Благословенный свет. СПб., 1993.

Лит.: Урбан Л. Конфликты в поэзии Арсения Тарковского // Звезда. 1966. № 11; Ахматова А. [О стихах А. Тарковского] // День поэзии 1976. М., 1976. С. 188–189; Старосельская Н. «...Перекличка памяти с судьбою...» // Лит. Армения. 1986. № 1; Криштоф Е. Есть высоты властительная тяга: Воспоминания об А. А. Тарковском // Кодры. 1990. № 5; Ратгауз Г. Незгладимая печать: О поэзии Арсения Тарковского // Лит. обозрение. 1990. № 4; Седакова О. Памяти Арсения Александровича Тарковского // Волга. 1990. № 12; Нейман Ю. Особая примета: Об А. Тарковском // Вопр. лит.-ры. 1991. № 4; Лаврин А., Педиконе П. Отец и сын (Из книги о поэте Арс. А. Тарковском и кинорежиссере Андр. А. Тарковском) // Юность. 1993. № 1, 2, 4, 5, 6.

Г. В. Филиппов

ТАРКОВСКИЙ Михаил Александрович [24.10.1958, Москва] — прозаик, поэт.

Сын литераторов, внук известного поэта Арсения Тарковского. Выросший в интеллигентной московской среде, окруженный творческими людьми, он, тем не менее, с детства увлеклся полевой зоологией — орнитологией, со школьных лет ездил в экспедиции (Тува, Иркутская обл., Красноярский край). В 1976 поступил в Московский гос. педагогический ин-т им. В. И. Ленина по специальнос-

ти география и биология. Закончив его (1981), 5 лет работал на Енисейской биостанции Ин-та эволюционной морфологии и экологии животных (ИМЭЖ) АН СССР (Красноярский край, Туруханский р-н), занимался зимней экологией птиц, обследовал территорию будущего Центрально-Сибирского заповедника, проводил орнитологические обследования рек Елогуй, Подкаменная Тунгуска, Гольчихи (Таймыр).

В 1981 начал писать стихи, но нигде их не публиковал. В 1986 поступил в Южно-Туруханский госпромхоз штатным охотником. В это же время стал студентом заочного отделения Лит. ин-та им. А. М. Горького, семинар поэзии Б. Д. Цыбина (закончил в 1992). В 1995 взял свой охотничий участок в долгосрочную аренду. С тех пор место постоянного жительства писателя и охотника Т. — Красноярский край, Туруханский р-н, с. Бахта.

Первая стихотворная публикация Т. — цикл «**Письма в Москву**» (Октябрь. 1987. № 9) — была своеобразной поэтической рефлексией на сопоставление двух миров: городского и природного. Знакомство с обширным пространством Отечества от Дальнего Востока, Сибири до среднерусской провинции, с простыми людьми (охотниками и рыбаками), жизнь внутри природно-красивого (совершенного) мира навсегда определили творческие интересы писателя. Его интересует прежде всего человек, такой человек, для которого Родина — вся огромная страна. В это время его стихи печатают в альм. «День поэзии», «День и ночь», в ж. «Охота и охотничье хозяйство», «Знамя». В 1991 вышла первая книга Т. «**Стихотворения**».

С начала 1990-х Т. начинает писать прозу — рассказы и повести. Он продолжает отстаивать свою тему в лит.-ре: рассказывает о том, почему любит енисейскую жизнь, о ее редкостной красоте, о людях, живущих трудной жизнью среди мощи природного мира. Первая публикация прозы Т. — рассказ «**Васька**» (Охота и охотничье хозяйство. 1993. № 10). Т. много печатают в самых разных изданиях: ж. «Юность», «Согласие», «Лит. учеба», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Охота», «Россия», «Русская провинция», «Подъем», «Зов тайги», «Енисей», «Сибирская горница», «Северные просторы», «Русский дом», «Полярные горизонты», в интернет-журнале «Русский переплет», а так же в газ.: «Первое сентября», «Лит. газ.», «Красноярский рабочий», «Красноярская неделя» и др. В своей прозе Т. рассказывает о крепкой связанности жизни людей и природы, о постоянной зави-